

Пока отец Чи разговаривал с Лу Юйчжоу по телефону, Чи Чунцяо смотрел в пустоту, время от времени прислушиваясь к их разговору.

«...Дедушка дома? Передайте ему привет. Дедушка вернулся в родной город?»

Уши Чи Чунцяо постепенно наострились, его глаза, ранее расфокусированные, вдруг загорелись, и он уставился на отца.

Дедушка вернулся в родной город, а что насчет Юйчжоу? Почему он все еще в компании? Юйчжоу не празднует Новый год с семьей?

Чи Чунцяо быстро нахмурился.

Отец Чи сказал еще несколько слов и только потом повесил трубку. Он обернулся и посмотрел на Чи Чунцяо с недоумением: «Завтра Новый год, а ты хмуришь брови. Что случилось?»

Чи Чунцяо: «...Кажется, Юйчжоу не поехал с дедушкой праздновать Новый год».

Отец Чи замер: «Значит, младший господин Лу остался один дома?»

Чи Чунцяо не мог успокоиться: «Наверное... Когда я звонил ему, он был в компании. Сегодня утром я не видел дедушку».

Отец Чи посмотрел на него некоторое время, а затем медленно сказал: «Наша семья всегда была под опекой дедушки. С тех пор как ты поступил в университет, сколько доброты мы получили от семьи Лу?»

Чи Чунцяо опустил голову и подумал, затем покачал головой: «Много, не сосчитать».

Отец Чи решительно заявил: «Ты позвонишь дедушке позже. Если младший господин Лу остался один, то в этом году ты не оставайся дома, а поезжай к нему».

Если вся семья уехала, оставив младшего господина Лу одного управлять компанией, то, вероятно, он не сможет уехать. Лучше пусть Чунцяо вернется.

Чи Чунцяо медленно поднял голову: «Правда?»

Отец Чи сказал: «В конце концов, ты несколько лет не был дома на Новый год, один год ничего не изменит».

В этот момент мать Чи, вытирая руки, вышла из кухни. Она слышала большую часть разговора

и, заглянув в спальню Чи Чунцяо, радостно воскликнула: «Старик Чи! Как раз вовремя, Чунцяо даже чемодан не распаковал. Пусть завтра возвращается».

Чи Чунцяо: «...»

Он смотрел на радостных отца и мать и невольно начал сомневаться, не раскрыл ли он себя как "ненастоящий сын" с самого порога.

Или же в оригинальной истории была ошибка, и отношения оригинала с родителями всегда были поверхностными.

Дорогие папа и мама, ваш Цяо не был дома два-три года!

Чи Чунцяо вернулся 28-го числа, а через три дня наступил канун Нового года.

Накануне Нового года Лу Юйчжоу отпустил оставшихся в компании сотрудников и остался один до девяти вечера, пока во всем здании не погас свет. Только тогда он взял ключи и спустился вниз.

Однако дома его ждала пустота. Лу Юйчжоу снял куртку Чи Чунцяо.

Он стоял перед темной комнатой, глубоко вздохнул и плюхнулся на диван, где обычно лежал Чи Чунцяо. Он забыл поужинать и был настолько уставшим, что не хотел двигаться. Он накрылся курткой Чи Чунцяо и, закрыв глаза, вскоре заснул.

Около одиннадцати вечера Лу Юйчжоу сквозь сон услышал щелчок замка, и кто-то тихо подошел к нему. Он боролся со сном несколько мгновений, затем резко открыл глаза и схватил чье-то запястье. Еще не успев подняться, он встретился взглядом с парой знакомых глаз.

Когда Чи Чунцяо открыл дверь, он сначала подумал, что Лу Юйчжоу вообще не вернулся домой, но незапертая дверь и ключи, брошенные в прихожей, говорили об обратном.

Он спал? Почему даже дверь не запер?

Чи Чунцяо тихо прошел в гостиную и при тусклом свете луны увидел фигуру на диване, накрытую до боли знакомой курткой.

В канун Нового года, когда тысячи семей собирались вместе, Лу Юйчжоу остался один в темном доме.

Чи Чунцяо: «...»

Холодный и темный дом словно укусил его за сердце. Чи Чунцяо почувствовал острую боль.

Он подошел к дивану. Лу Юйчжоу спал крепко, и Чи Чунцяо, глядя на его лицо, не хотел его будить. Он постоял рядом некоторое время, затем протянул руку, чтобы поправить куртку.

Но как только он протянул руку, Лу Юйчжоу схватил его за запястье, его длинные пальцы сжали руку Чи Чунцяо так сильно, что тому стало больно.

«Это я».

Чи Чунцяо улыбнулся Лу Юйчжоу.

Лу Юйчжоу подумал, что, возможно, он еще спит, иначе как бы он увидел Чи Чунцяо, который только вчера вернулся домой?

Запястье в его руке было тонким и теплым, доказывая, что перед ним был живой человек, а не галлюцинация, вызванная сном.

Лу Юйчжоу потратил две секунды, решая, позволить ли себе слабость, но когда он увидел, как Чи Чунцяо повернулся, вся его рациональность рухнула. Он встал и обнял Чи Чунцяо сзади: «Брат Цяо, куда ты?»

Чи Чунцяо обернулся и обнял его, похлопывая по напряженной спине: «Я никуда не уйду. Я хотел налить тебе воды».

Он успокоил его несколькими словами, но, видя, что Лу Юйчжоу не отпускает, позволил ему продолжать обнимать себя, обняв его в ответ и мягко похлопывая по спине.

За окном внезапно взорвался великолепный фейерверк, и яркий, разноцветный свет заполнил гостиную. Чи Чунцяо прищурился, глядя на него, а затем тихо улыбнулся: «С Новым годом».

Лу Юйчжоу, окруженный теплыми объятиями Чи Чунцяо, в сиянии комнаты услышал, как его сердце начинает биться быстрее. В конце концов, в шуме крови он ясно услышал голос:

Я хочу его.

Чтобы он принадлежал мне.

Он — моя самая большая навязчивая идея, как в прошлой, так и в этой жизни.

.....

Прошло некоторое время, прежде чем Лу Юйчжоу отпустил Чи Чунцяо.

Чи Чунцяо взял куртку с дивана, освободил место и сел рядом с Лу Юйчжоу.

Взгляд Лу Юйчжоу прилип к куртке. Он чувствовал себя немного виноватым — заснуть, укрывшись курткой Цяо, было чем-то тонким и неоднозначным. Если бы Цяо был чуть более чувствительным, он бы сразу заметил что-то неладное...

Лу Юйчжоу сжал губы.

Чи Чунцяо, раздраженный тем, что куртка мешала, сказал: «Зря я тебе ее дал, из-за нее ты спал на диване. В следующий раз лучше дам тебе одеяло».

Лу Юйчжоу: «...» Он действительно зря нервничал. Цяо не был настолько чувствительным.

Чи Чунцяо взял мандарин и начал его чистить: «Расскажи, почему ты не поехал с дедушкой праздновать Новый год?»

Лу Юйчжоу кратко объяснил ситуацию. Чи Чунцяо кивнул: «Старый конь борозды не испортит. Дедушка все продумал, но тебе пришлось пострадать».

Лу Юйчжоу: «Почему ты вернулся?»

Чи Чунцяо разложил очищенный мандарин: «Когда я уезжал, ты был в компании, поэтому я позвонил дедушке и спросил, уехал ли он. Он сказал, что да, и я понял, что ты остался один».

Он положил дольку мандарина в рот Лу Юйчжоу: «Ты, обычно такой мастер капризов, когда действительно нуждаешься в компании, молчишь».

От слов Чи Чунцяо позвоночник младшего господина Лу, обычно прямой, словно пропитался сахарным сиропом, и он едва не прилип к Чи Чунцяо: «Брат Цяо, я скучал по тебе».

Чи Чунцяо: «Я уехал на один день, а ты уже скучаешь. Скоро начнутся съемки 'Невидимого преступления', и я уеду на полмесяца. Что ты будешь делать?»

Лу Юйчжоу: «Если ты уедешь на один день, я буду скучать один день. Если на два дня — два дня. Если ты уедешь на месяц, я буду скучать весь месяц, пока ты не вернешься».

Чи Чунцяо: «...» Чем этого молодого господина кормили? Его капризы и сладкие слова просто убийственны.

Они заказали еду на вынос и устроили праздничный ужин вдвоем.

Для Лу Юйчжоу, с Чи Чунцяо рядом, разбираться в сложных отношениях в компании стало не так уж сложно. Он даже однажды днем вместе с Чи Чунцяо нарисовал огромное дерево связей, заполняя его именами и должностями.

Чи Чунцяо, под давлением десятков филиалов и сотен имен, заснул меньше чем за полчаса.

Лу Юйчжоу остался один, медленно дополняя свое дерево связей под зимним солнцем.

К сожалению, спокойствие длилось недолго — скоро начались съемки "Невидимого преступления".

Поскольку актеры были опытными (кроме Чи Чунцяо), а график напряженным (Чи Чунцяо все еще был исключением), съемочная группа начала работу раньше, чем обычно.

«Сегодня у меня собрание, я не могу поехать с тобой,» — Лу Юйчжоу поправил шапку на Чи Чунцяо. — «Я уже связался с твоим новым агентом, он приедет не позже следующей недели».

Чи Чунцяо кивнул: «Ты сейчас сосредоточен на головном офисе компании Лу, не трать силы на мелочи в Чжаохуэй. Я сам со всем справлюсь».

Лу Юйчжоу поднял глаза: «Когда я был маленьким, дедушка учил меня одной вещи...»

Чи Чунцяо: «Чему?»

Лу Юйчжоу медленно сказал: «Дела не делятся на большие и маленькие, только на срочные и важные. Все, что попадает в руки, нужно делать, просто в определенном порядке». Просто сейчас он ставил Цяо на первое место.

Чи Чунцяо наклонил голову и подумал несколько секунд, затем кивнул: «Понятно, действуй в своем темпе. Я пошел».

Лу Юйчжоу: «Цяо, будь осторожен на дороге. Скажи водителю ехать медленнее».

Чи Чунцяо помахал ему рукой.

Когда Чи Чунцяо прибыл на съемочную площадку, главные актеры еще не приехали. Фу Цзиншэнь обсуждал начало съемок с несколькими помощниками режиссера.

«Приехал?» — Фу Цзиншэнь поздоровался с Чи Чунцяо. — «Садись».

Два помощника режиссера впервые общались с Чи Чунцяо и дружелюбно кивнули.

Чи Чунцяо был редким экземпляром в съемочной группе — единственный популярный молодой актер, начинавший с исторических драм, с опытом только второстепенных ролей. Непонятно, о чем думал режиссер.

Фу Цзиншэнь: «У тебя сегодня немного сцен... Посмотрим, утром одна сцена, днем две. Это не очень удачное расписание». Фу Цзиншэнь взял сценарий Чи Чунцяо и открыл страницу с сегодняшними сценами. Аккуратные страницы были плотно исписаны заметками, а на полях были пометки о психологии персонажа.

Два помощника режиссера, украдкой взглянув: «!!!»

Фу Цзиншэнь улыбнулся: он точно не ошибся в выборе.

«Сегодня у тебя нет сцен с Цинбо, все три сцены с Фан Юем. Потренируйся с ним позже. А, кстати, девушка, с которой ты будешь играть, уже приехала. Сегодня она присоединится к группе. Тебе нужно с ней познакомиться, у вас много совместных сцен, так что постарайтесь подружиться».

Чи Чунцяо кивнул.

У персонажа Шан Тан была дочь. Шан Тан, кроме белой кожи, был черным внутри, и вся его совесть была отдана этой дочери. В конце концов, именно ради дочери он добровольно сдался правосудию.

Чем темнее и жестче был Шан Тан в сценарии, тем невиннее и добрее была его дочь Шан Линь. Их взаимодействие составляло половину очарования "Невидимого преступления".

Чи Чунцяо кивнул: «Тогда я пойду в гримерку».

Грим и костюмы для современного сериала были не такими сложными, как для исторического. Чи Чунцяо вышел из гримерки довольно быстро.

Сейчас было холодно, и снимали осенне-зимние сцены.

Чи Чунцяо, закончив с гримом, надел аккуратный черный плащ. Он слегка изменил выражение лица перед зеркалом, и, как только прищурился, сразу вошел в образ Шан Тана.

Гример, пораженный резкой сменой атмосферы, замер с кисточкой в руке.

Чи Чунцяо повернул взгляд, и холодная усмешка в его глазах тут же исчезла. Он помахал ошеломленному гримеру: «Спасибо, я пошел».

Гример: «А? О... Не за что». Переход от сладкого ангелочка к изысканному негодяю был слишком пугающим.

За пределами гримерки

Гэ Фан Юй прибыл на съемочную площадку со своим ассистентом.

Он много раз сотрудничал с Фу Цзиншэнем, и у них были хорошие отношения. Как только он приехал, Фу Цзиншэнь улыбнулся и помахал ему.

Гэ Фан Юй быстро подошел: «Старик Фу!»

Он огляделся и, как вор, понизил голос: «Учитель Янь еще не приехала?»

Фу Цзиншэнь покачал головой: «Нет, еще рано. Даже массовка еще не все на месте. Только ты и Чунцяо приехали так рано, чтобы подышать холодным воздухом. Не знаю, о чем вы думали».

Гэ Фан Юй: «Мне интересно, о чем думал ты. Ты отдал такую важную роль, как Шан Тан, новичку?»

Он смотрел "Мать Мира" и признавал, что актерская игра Чи Чунцяо была очень талантливой, но Чи Чунцяо был слишком «новым», и Гэ Фан Юй беспокоился, сможет ли он стабильно выступать.

Сколько новичков играли свои первые роли с большим талантом, но сколько из них после взлета популярности могли продолжать вникать в сценарий и персонажей?

К тому же, персонаж Шан Тан был полной противоположностью Му Яня, его сложность возросла на несколько уровней. Даже Гэ Фан Юй не был уверен, что смог бы сыграть его хорошо.

Фу Цзиншэнь даже не поднял глаз: «А что? Шан Тану по сценарию 27-28 лет, он высокоинтеллектуальный злодей, и, чтобы угодить публике, он должен быть красивым и

выглядеть изысканно. Сколько из вас, старых актеров, соответствуют этим требованиям? Или ты хочешь сыграть молодого? Боже, старый огурец, выкрашенный в зеленый цвет. Ты не боишься критики?»

Гэ Фан Юй удивился: «Почему сценарист придумал такие параметры? Злодей должен выглядеть как злодей...»

Фу Цзиншэнь с отвращением сказал: «Ты, такой грубый мужчина, не мог бы не использовать модные словечки из интернета? Это режет глаза и уши».

Гэ Фан Юй возмутился: «А что? У меня не может быть девичьей души? Разве я не принцесса?»

Фу Цзиншэнь на этот раз не стал спорить, а посмотрел в сторону: «Ну, он вышел».

Гэ Фан Юй: «А?»

Фу Цзиншэнь: «Большая панда нашей съемочной группы закончила грим. Можешь пойти и посмотреть, но предупреждаю, смотри, но не трогай. Это сокровище младшего господина Лу».

Гэ Фан Юй обернулся и увидел у двери гримерки высокого мужчину в черном плаще, подчеркивающем широкие плечи и узкую талию. Он поправлял ремешок часов, его запястье было тонким. Когда он поднял лицо, его губы были тонкими и красными, а глаза — глубокими, как чернила.

Его взгляд был как два глубоких, темных омут.

Ред. Neils март 2025 года

<http://bllate.org/book/13818/1219542>